

**ОТ «ДОРОГОГО ИЛЫЧА» К ЗАВЕТАМ ВОЖДЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ
ЛИЧНОСТИ В.И. ЛЕНИНА В СЕЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1920-Х ГГ.
(БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ АССР)**

*Статья подготовлена в рамках государственного задания
(проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая:
история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9)*

Жизнь основателя советского государства Владимира Ильича Ленина с каждым новым десятилетием после его смерти приобретала все больше мифологизированных черт, пока окончательно (волей политического руководства и действием массового сознания) не трансформировалась в символ вождя-демиурга – создателя нового мира. Этот процесс был начат уже в 1924 г., с воздвижением первого деревянного мавзолея на Красной площади. В отличие от идеологически передовых коллективов предприятий столичного Верхнеудинска, образ Ленина для которых хоть и являлся шаблонным, но приобрел интерпретации простого человека, для значительного количества сельских жителей Бурят-Монгольской АССР его личность была практически неизвестна и лишь отдаленно связывалась с революцией и коммунистами. В статье анализируются интерпретации личности В.И. Ленина сельским населением Бурятии на протяжении 1920-х гг. Целью исследования является изучение трансформации образа В.И. Ленина в восприятии сельского населения Бурятии 1920-х гг., что позволит полнее проследить начальный этап процесса догматизации учения основателя партии большевиков.

Ключевые слова: отечественная история, Бурят-Монгольская АССР, советская власть, коммунистическая идеология, культ вождя, общественное сознание, культурная революция

Информация об авторе: Хомяков Сергей Васильевич, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.09.2020

Для цитирования: Хомяков С.В. От «дорогого Ильича» к заветам вождя: трансформация восприятия личности В.И. Ленина в сельской провинции 1920-х гг. (Бурят-Монгольская АССР) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 22-27. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-22-27>

Sergey V. Khomyakov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

**FROM “DEAR ILYICH” TO THE COVENANTS OF THE LEADER:
TRANSFORMATION OF PERCEPTION OF THE PERSONALITY
OF VLADIMIR LENIN IN THE RURAL PROVINCE IN THE 1920S
(BURYAT-MONGOL AUTONOMOUS SOCIALIST SOVIET REPUBLIC)**

*The research was carried out within the state assignment of FASO Russia
(project XII.191.1.1. “The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China:
history, culture, contemporary society”, № АААА-А17-117021310269-9)*

The life of Vladimir Ilyich Lenin, the founder of the Soviet state, had acquired more and more mythological features with each new decade after his death until it finally transformed into a symbol of the demiurge leader – the creator of the new world (by the will of political leadership and by the transformation of mass consciousness). This process began already in 1924, with the erection of the first wooden mausoleum on Red Square. In contrast to the ideologically advanced teams of industrial enterprises in the autonomy’s capital city of Verkhneudinsk, the image of Lenin for whom, despite staying in a template form, had still acquired interpretations of a common man, for a significant number of rural residents of the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, his personality had remained almost unknown and only vaguely associated with the Revolution and Communists. Interpretations of Lenin’s personality by the rural population of Buryatia during the 1920s are analysed in this article. The aim of the article is to study the transformation of the image of Lenin in the perception of the rural population of Buryatia during the 1920s, which will make it possible to follow more fully the initial stage of the dogmatization of the teachings of the founder of the Bolshevik Party.

Keywords: Russian history, Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet power, communist ideology, cult of leader, social consciousness, cultural revolution

Information about the author: Sergey V. Khomyakov, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1318-8906>, Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, the City of Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Article received: September 13, 2020

For citation: Khomyakov S.V. From “Dear Ilyich” to the covenants of the leader: transformation of perception of the personality of Vladimir Lenin in the rural province in the 1920s (Buryat-Mongol Autonomous Socialist Soviet Republic). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 22-27 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-22-27>

Изменение восприятия личности В.И. Ленина в Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг., (что стало основным мотивом в кампании становления культа вождя) изучалось историками в контексте вопросов гражданского противостояния и последующего строительства новой советской государственности и общества. Так, еще А.М. Селищев в работе «Забайкальские старообрядцы» (не затрагивая личность Ленина) высказывался об отношении сельского населения к власти большевистской партии в переломный период 1919 г. Советский историк Ф.А. Кудрявцев в работе «История бурят-монгольского народа» в рамках догматической парадигмы своего времени говорил о ключевой роли партии коммунистов и ее лидера в построении новой счастливой жизни у бурят. Современные исследователи этого вопроса (Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнавский) объясняли происходящие в 1920-е гг. социокультурные изменения еще и сдерживанием националистического аспекта («негативная этничность»). Эти и другие работы были использованы при выполнении задачи исследования.

Ключевое значение для работы имели материалы республиканской газеты «Бурят-Монгольская правда», материалы отдела редких и ценных книг Национальной библиотеки Республики Бурятия, а также заметки полевых исследователей быта населения и его национального фольклора 1920-х гг. (А.Н. Добромислов, П.С. Степанов), хранящиеся в Государственном архиве Иркутской области и Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ) соответственно.

В исследовании были использованы элементы сравнительно-исторического и историко-генетического методов. Первый помог дать оценку неодинаковым успехам пропаганды формирующегося культа Ленина для разных категорий населения Бурятии. С помощью второго удалось проследить развитие этой пропаганды на протяжении 1920-х гг. на примере отдельно взятых групп.

Сельское население образованной в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР представляло собой поликонфессиональный конгломерат различных народов, из которых наибольшее количество составляли русские (православные и старообрядцы) и буряты (буддисты и шаманисты). Отношение к новой реальности обуславливалось различными факторами, в том числе ностальгической тенденцией по отношению к царской династии, традициями в диалоге с властью, а также спецификой культуры и религиозных убеждений. Их восприятие личности Ленина в последние годы его жизни было проч-

но связано с революцией, а также деятельностью утвердившейся здесь коммунистической партии (и зачастую вытеснялось их одушевлением и персонализацией, передачи им соответствующих характеристик – «революция-матушка», «родная советская власть», «великая партия большевиков»).

Доминирующей была внедряемая мысль о том, что только партия большевиков (и не отдельные ее представители) принесла бурятскому народу возможность стать грамотными, свободу от царской администрации и, самое главное, не просто самоуправление, а национальную автономию – Бурят-Монгольскую АССР. «Помещенный в прошлое негатив позволял в то же время наиболее ярко показать достижения Коммунистической партии в развитии советских национальностей» [Скрынникова, Батомункуев, Варнавский: 16]. Именно она, по словам советского историка Ф.А. Кудрявцева, «...освободила бурят-монгольский народ от национального гнета феодальной и капиталистической кабалы и рабства, возродила его к новой свободной и счастливой жизни» [Кудрявцев: 4].

Русское православное и древлеправославное население (старообрядцы, компактно проживающие близ г. Верхнеудинска с середины XVIII в.), по свидетельствам исследователей, относилось к советской власти в целом сочувственно, только лишь с ней олицетворяя приход новой жизни и победу в Гражданской войне. Люди вспоминали, как большевики в 1918 г. «...разрешили воспользоваться крестьянам спорной бурятской землей» [Селищев: 11]. Также население было благодарно им за избавление от набегов банд атамана Семенова, которые «...и деньги брали, и секли до полусмерти» [Селищев: 1]. Однако, по наблюдениям исследователя А.М. Селищева, такая симпатия (которая во многом сошла на нет к концу 1920-х гг. во время проводимой антирелигиозной кампании) была основана на факторе общего врага и личного знакомства с красноармейцами (но не на известности единого лидера, направляющего к новой жизни), а также соседствовала с ожиданием реставрации монархии: «...хорошо бы, если бы где-то вверху сидел царь, а поближе к нам, к народу, правителями были бы большевики или вроде них» [Селищев: 11]. Такие настроения говорят о практически полном отсутствии информированности сельчан о деятельности Ленина и его роли в происходящих событиях в начале 1920-х гг.

Смерть Владимира Ильича в январе 1924 г. становится отправной точкой для начала формирования фундаментальной основы советской идеологии – культа Ленина – и в данном случае – по-

воротным моментом для обобщенного восприятия его образа как инициатора всех произошедших позитивных явлений и благ в провинции. Героизация образа Ленина была необходима большевикам для обоснования своей преемственности во власти как учеников-наследников, а стремление к увековечиванию его личности было продиктовано задачей создания собственной государственной мифологии (вытесняющей имперские концепты богоизбранности и вселенского центра православия, но использовавшей модель синкретичного мировоззрения, соборности, которая «...как принцип соответствует требованиям традиционного “внешнего” контроля в простых обществах и потому сохраняет для них значение идеала, отраженного в той или иной форме во всех главных социальных установлениях») [Вишневецкий: 161]. Ее существование обеспечило бы для страны стабильное состояние на долгие годы. Центральное место в советской мифологии занял бы создатель первого социалистического государства («нового мира»), а вокруг него в новоявленном пантеоне постепенно появились бы герои рангом ниже (П. Морозов – для детей-пионеров, А. Стаханов – для пролетариата, В. Чапаев и В. Чкалов – для военных и допризывников, а также наследники Ленина у власти – для всех).

Поэтому одной из важнейших составляющих формирующегося культа становится сакрализация личности, нашедшая свое проявление и в создании Мавзолея, и в запрете на изображение Ленина где угодно: «Москва. Комиссия ЦИК СССР по увековечиванию памяти Ленина запретила печатание и распространение изображения Ленина на папиросных коробках, гильзах, конфетках, всяких обложках и этикетках, а также предметах украшения»¹. С другой стороны, справедливо отметить, что в первые годы после смерти Ленина, в условиях прочного положения православной веры у большинства населения страны, властью делались попытки получения симпатий к его фигуре посредством печатания и подобных статей: «...в беседе с представителями печати бывший патриарх Тихон заявил: “Ленин не был отлучен от православной церкви, поэтому всякий верующий имеет право и возможность его помянуть, хотя мы идейно расходились с Лениным, но я имею сведения о нем как о человеке добрейшей, поистине христианской души”»². В таких условиях поиска оптимальной модели построения культа личности во второй половине 1920-х гг. не могло быть только лишь целенаправленных мероприятий властей в масштабах всей страны, возникали и стихийные процессы. Различия же в масштабах их воздействия на городское и сельское население позволяло решать попутные задачи (например, проблема часто встречающегося незнания имени Ленина и его роли в селах Бурятии решалась посредством изучения его биографии в пунктах ликбеза³).

Безусловно, стихийной тенденцией в этот период (часто поддерживаемой властями) для сельской местности Бурятии стало массовое переименование улиц и самих населенных пунктов в честь Ленина. «Агинский Аймак РКП совместно с гражданами аймака на общем собрании постановил в целях увековечивания памяти дорогого Ильича организовать клуб его имени, открыть при школах три стипендии, ходатайствовать о переименовании с. Агинского в Ленинское, назвать Агинскую школу 2-ой ступ. именем Ленина, а также собирать средства для сооружения памятника вождю»⁴. Конечно, в последующие годы практически в любом поселении республики если не памятник на главной улице, то сама улица непременно будет названа в честь Ленина, однако уже к концу 1920-х гг. внедрение культа вождя в мировоззрение бурят становится вполне успешным.

Носителем коммунистической идеи являлась ВКП(б), которая после 1924 г. окончательно стала отождествляться в общественном сознании с образом Ленина. Населением полностью принималась мысль о его гениальности, без которой немислима была бы победа большевистской революции, а значит, и те кардинальные изменения, которые коснулись практически всех сторон общественной жизни бурят. Проявлением изменений в идеологических акцентах стали торжественные церемонии по поводу второй годовщины смерти Ленина в 1926 г. Практически в каждом бурятском улусе проходили траурные мероприятия, митинги, собрания. Улусник А. Улкутуев из Боханского аймака пишет в Бурят-Монгольскую правду: «22 января улусная молодежь устроила собрание, посвященное смерти т. Ленина. После доклада один из бурят громко сказал: “Ленин умер, но его учение всегда в нас”»⁵. В других поселениях – еще более насыщенная программа. «Джида. 22 января в Торейской школе был устроен вечер воспоминаний. Классы украшены красными флажками, картинами. Утро открыло пение Интернационала, похоронный марш и доклад»⁶.

Однако главный фактор успеха мифологизации личности Ленина для бурят видится не столько в переименованиях и программах траурных вечеров в честь вождя в его памятные даты (что обуславливалось инициативой местных властей), а в появлении народных стихов и песен о Ленине на бурятском языке (чего не наблюдалось в русскоязычных селах республики). «Бугорок вспахавшего. Серого коня не забудем. Бурятскому народу помогавшего. Учителя Ленина не забудем»⁷. Данные строки песни часто дублируются и в других подобных песнях о Ленине и несут в себе общий смысл важности этого имени для простого человека из села. Он мог не иметь представления об учении марксизма-ленинизма, не вникать в политическую идеологию, даже смутно себе представлять образ

вождя, но распевая куплеты песен о Ленине, понимал простую истину – раньше было плохо, тяжело, а с приходом новой власти стало хорошо и легко. Ленин в этих строках – это не человек, сидевший за письменным столом и обладавший исключительным искусством убеждения: его образ похож на знакомого коня-труженика, пахавшего землю. Такое простое сравнение было гораздо ближе и понятней бурятам-скотоводам.

Направленность новых бурятских песен можно считать следствием включения образа Ленина в героико национальных песен, где уже именно он – персонафикация могучей стихии, давшей бурятскому народу свободу. «Когда перестал идти сильный дождь, то легче стало птенцу кроншнепа. Когда установилась власть Ульянова, то народу стало легче и лучше. Облегчившему участь каурой лошади. Высокому вагону – благодарность. Облегчившему участь хлебопашцев. Красному Ленину – благодарность»⁸. В первых четырех строках просматривается аналогия Ленина со сверхъестественными силами, способными управлять стихией – только не природной, а социальной. В последней строке указывается неразрывная связь Ленина с коммунизмом и революцией, и он уже представлен здесь как само олицетворение прошедших событий.

Справедливо будет уточнить и то, что особое значение в идеологическом оформлении коллективного мировоззрения получила активная пропаганда атеизма, которая, отвергнув внешние формы религии, активно использовала ее как архетип, в том числе и для появления в массовом сознании новой мифологии. «В дореволюционный период религия представлялась мощнейшим инструментом воздействия на подавляющее большинство населения, поскольку априори подразумевалось наличие у него религиозной веры, то есть наличие базовой мировоззренческой функции религии в сознании почти всех людей. Понимая это, коммунистические власти направили свои усилия на искоренение этой функции посредством замещения ее коммунистической атеистической пропагандой и на то, чтобы религия в сознании людей стала ассоциироваться исключительно с отсталостью и безграмотностью» [Амоголонова: 63–64].

Не менее важной задачей в 1920-е гг. была ликвидация неграмотности взрослого населения: для обеспечения деятельности ликпунктов создавались адаптированные учебные пособия. В них (как и в учебниках для детей) информация репрезентировалась посредством иллюстраций, показывающих преимущества социализма, и восхваления лидеров партии. Особый интерес представляет «Бурят-монгольский советский букварь для взрослых»⁹ Ч. Базарона на старомонгольском письме. Уже само название заявляет о приверженности бурят-монголов советскому строю и стремлении как

можно быстрее быть инкорпорированными в советское идеологическое и культурное пространство. На страницах букваря изображены портреты в последовательности – Маркс, Ленин, Калинин, Сталин. Изучение языка производилось одновременно с изучением их биографий. Некоторые изображения (например, Ленина) украшены внизу замысловатыми орнаментами, рисунками, как это делалось в книгах сказок и легенд, только теперь у бурятского народа появляется новый герой.

Из числа специализированных учебных пособий можно выделить работу того же Ч. Базарона «Сельскохозяйственный букварь для взрослых»¹⁰. В плане наглядности и в символическом аспекте он является даже более информативным, чем предыдущий букварь. Кроме того, уже на форзаце и первой странице учебника видна новая характерная черта – портрет Ленина уже без остальных деятелей партии и Маркса с Энгельсом. Вполне понятно, что в специализированном сельскохозяйственном букваре жизнеописания и биографии коммунистов были бы лишними и шли бы во вред специальной информации и материалам, но присутствие Ленина говорит о том, что даже в этих узких рамках издания обойтись без вождя было уже невозможно.

В целом можно заключить, что для сельского бурятского населения республики идеологическая кампания по сакрализации имени Ленина имела вполне ощутимый успех уже к концу 1920-х гг. Наряду с благодарностью Ленину за автономию и коренное изменение жизни, а также лояльностью к решениям властей по вопросу сохранения его памяти буряты, несмотря на изучение его реальной биографии в учебниках (которая, впрочем, связываясь ими с собственными успехами в овладении грамотностью, несла в себе положительную коннотацию), включили его имя и деятельность в свой народный песенный репертуар, во многом изначально мифологизировав образ, не совсем приняв характерное для жителей советской столицы и других городов 1920-х гг. отношение к недавно умершему Ленину как к товарищу и наставнику.

В православных селах Бурятии с 1924 г. также имел место с годами все более широкий резонанс по поводу смерти Ленина, причем в отличие от старообрядческих поселений, только начинающих преодолевать свое изолированное от внешнего мира состояние (отчего и объясняется во многом и слабая реакция там на идущее повсеместно все-союзное создание ленинского культа), здесь прослеживается достаточно высокий уровень информированности о жизни Ленина и вовлеченности в процесс, о чем говорят и такие примечательные газетные заметки: «...Кульское. В день похорон В.И. Ленина всем служащим пришлось собраться в кульскую школу для совещания о проведении дня похорон и спевки “Похоронного марша”. Окончив спевку, стали убирать портрет т. Ленина в тра-

ур, а так как в школе был портрет т. Луначарского в рамке, то и решили служащие на время в эту рамку вставить портрет т. Ленина. Когда вынули из рамки портрет т. Луначарского, то неожиданно обнаружили в ней еще портрет Николая II. Несколько товарищей взяли портрет царя, на «ура» и содрали с клеенки, на которой он так крепко был приклеен»¹¹. Были и другие подобные сообщения: «У нас в с. Турунтаево 20-го вечером состоялось траурное собрание, зал переполнен. После доклада о жизни Ленина принята резолюция, в которой крестьяне обещают хранить его заветы»¹².

Что касается старообрядческих поселений Бурятии, то идеологическое воспитание небольшой части актива среди молодежи (культработники, комсомольцы, получившие образование в г. Верхнеудинске и отправленные работать в родные села) позволяло присоединяться к всесоюзной тенденции увековечения памяти Ленина как в близких, так и в самых отдаленных от Верхнеудинска поселениях. В первом случае есть смысл говорить о некоторых подвижках в этом вопросе, что стало возможным благодаря высокому уровню поддержки советской идеологии среди молодежи, увидевшей в ней возможность изменить свою жизнь, а также шефства рабочих городских предприятий, расположенных относительно недалеко: «Верхний Жирим. Давно наши крестьяне хотели ознакомиться с жизнью Владимира Ильича Ленина и дождались. Приехали шефы – ячейка ГПУ и устроили ряд бесед о нем. Шефам вынесли благодарность. С их помощью мы надеемся освободиться от старообрядческой церкви»¹³.

Во втором случае и к концу 1920-х гг. сложно говорить о всеобщей известности имени Ленина, тем более о его сакрализации и благодарности за новую жизнь. Здесь ставились скромные безликие памятники вождю партии, которые становились фактором спонтанной и поверхностной (в сравнении с городским пространством) мифологизации личности Ленина (в основном для немногочисленного актива). Она практически не затрагивала местное население и выражала (кроме очевидного отсутствия мастеров и средств на полноценный памятник) тенденцию медленного распространения сведений о нем: «...сочувствующие ВКП(б) поставили в селении памятник В.И. Ленину в виде простой деревянной усеченной пирамиды, которая содержится в черном теле, доски покорило»¹⁴. Посредством простых символических конструкций здесь скорее воспроизводились метафизическая идея революции как начала всей жизни и привычное простому человеку архетипичное представление о спасителе мира, ведущем к этой новой жизни.

Плохое же состояние памятника говорит как о формальном отношении к подобным вопросам даже со стороны «сочувствующего коммунистам актива», так и о том, что, несмотря на самоиници-

тиву в воздвижении памятников, а также чтение газет с изображениями и биографией Ленина, к концу 1920-х гг. целенаправленная государственная политика по увековечиванию памяти вождя революции находила еще слабый отклик в селах и деревнях старообрядцев, на значительном отдалении от столицы Советского государства. Многочисленное же население (в том числе и молодое, на идеологическое воспитание которого был сделан основной упор) сел, отдаленных и от местных городских центров, таких как Верхнеудинск и Чита (куда не доезжали с беседами на идеологическую тематику городские комсомольцы), и вовсе, как и в начале десятилетия, не демонстрировало знаний и особого интереса к самой личности вождя, воспринимая революцию и ее автора как данность. Так, например, в с. Аленгуй «...в другой раз на вопрос, кто такой Ленин, одна девушка сказала: “какой-то там ваш читинский”, а другая: “не знаем, вам лучше знать”»¹⁵.

В итоге можно прийти к следующим заключениям. В Бурят-Монгольской АССР на протяжении 1920-х гг. была распространена всесоюзная тенденция пропагандирования идеи «нового мира», который пришел на смену всему темному, устаревшему и ненужному. С 1924 г., одним из ключевых проявлений такой идеи становится культ вождя, который вел всех к счастливой жизни, а умерев, стал ориентиром для своих последователей. Продвижение культа Ленина было обусловлено острой необходимостью укрепить вокруг него мобилизационный импульс зарождающегося единого советского общества, что в условиях сильной разнородности образа жизни и быта, культуры и религиозных представлений у населения республики представлялось еще более сложной задачей и имело свою местную специфику.

В сельской местности, жители которой составляли большинство в Бурятии, данная проблема в 1920-е гг. усугублялась низким уровнем распространения грамотности, пока еще слабой сетью культурных учреждений в селах, их отдаленностью от Верхнеудинска, а также недоверием к новой власти отдельных категорий (например, значительная часть старообрядцев). Отсюда следовал формальный подход к проводимым мероприятиям по увековечиванию памяти Ленина, что было характерно как для русского православного населения, так и для старообрядческого (что может говорить, соответственно, и об их нежелании в этот период встраиваться в новое общество, ломая свой традиционный быт). Сельчане-буряты же, с самого начала утверждения советской власти в регионе относясь к ней в целом позитивно (во многом благодаря появлению национальной государственности), культ Ленина восприняли более успешно, что было обусловлено привлекательной для них идеей инкорпорирования в единое общество равных на-

циональностей и нашло свое проявление в отождествлении Ленина с защитником и спасителем бурятского народа.

Примечания

¹ Распоряжение комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина // Бурят-Монгольская правда. 1924. 9 мая. № 102. С. 2.

² Бывший патриарх Тихон о Владимире Ильиче // Бурят-Монгольская правда. 1924. 30 янв. № 23. С. 1.

³ Ликвидация безграмотности («ликбез») – в данном случае массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР.

⁴ Памяти В.И. Ленина // Бурят-Монгольская правда. 1924. 2 марта. № 51. С. 3.

⁵ Дни скорби (Ленинские дни в деревне и улусе) // Бурят-Монгольская правда. 1926. 6 фев. № 28. С. 3.

⁶ Там же.

⁷ Бурятские революционные песни с. Мухоршибирь // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 663. Л. 2.

⁸ Бурятские песни: Переводы (Тетрадь 2) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 671. Л. 28.

⁹ Базарон Ч. Бурят-монгольский советский букварь для взрослых // Отдел редких и ценных книг Национальной библиотеки Республики Бурятия (ОРЦК НБ РБ). Верхнеудинск, 1925. 131 с.

¹⁰ Базарон Ч. Сельскохозяйственный букварь для взрослых // ОРЦК НБ РБ. Верхнеудинск. 1927. 126 с.

¹¹ Еще о портретике «царя-батюшки» // Бурят-Монгольская правда. 1924. 15 марта. № 61. С. 3.

¹² Дни скорби (Ленинские дни в деревне и улусе) // Бурят-Монгольская правда. 1926. 6 фев. № 28. С. 3.

¹³ В Верхнем Жириме // Бурят-Монгольская правда. 1925. 14 фев. № 37. С. 4.

¹⁴ Добромыслов А. Семейские заметки (1927) [Рукопись] // Государственный архив Иркутской области. Ф. 565. Оп. 1. Д. 1–3. Л. 20.

¹⁵ Там же.

Список литературы

Амоголонова Д.Д. Буддизм и советская идентичность в Бурятии в 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 59–65.

Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. Москва: ОГИ, 1998. 432 с.

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 242 с.

Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Государственного Иркутского университета, 1920. 81 с.

Скряникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (Советский период). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 216 с.

References

Amogolonova D.D. *Buddizm i sovetskaya identichnost' v Buryatii v 1920-1930-h gg.* [Buddhism and soviet identity in Buryatia in 1920s – 1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, № 421, pp. 59–65. (In Russ.)

Vishnevskij A.G. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizaciya v USSR* [Sickle and ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, OGI Publ., 1998, 432 p. (In Russ.)

Kudryavcev F.A. *Istoriya buryat-mongol'skogo naroda* [History of the Buryat-Mongol people]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk USSR Publ., 1940, 242 p. (In Russ.)

Selishchev A.M. *Zabajkal'skie staroobryadcy* [Trans-Baikal Old believers]. Irkutsk, Gosudarstvennyj Irkutskij universitet Publ., 1920, 81 p. (In Russ.)

Skrynnikova T.D., Batomunkuev S.D., Varnavskij P.K. *Buryatskaya etnichnost' v kontekste sociokul'turnoj modernizacii (Sovetskij period)* [Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2004, 216 p. (In Russ.)